

В самом центре города была проложена широкая и длинная мощёная дорога, которая тянулась прямо к замку с шестью шпилями.

Основная часть скрывалась за массивной крепостной стеной, так что было видно лишь около трети, но и этого хватало, чтобы ощутить масштаб и величие сооружения.

— Разве так можно? Оставлять дорогу вот так, прямо открытую? — спросил я. Прямая магистраль, соединяющая город и замок между двумя сторожевыми башнями, была красива, но казалась не слишком безопасной.

Белфри, подъехав ко мне вплотную, с гордостью ответил:

— Чтобы попытаться вторгнуться в императорский дворец Хенекена по этой дороге, сначала придётся смириться с тем, что тебя разорвут в клочья десятки артиллерийских башен. А если вдруг и это переживёшь — будь готов броситься в реку, где поджидает ещё масса опасностей.

Да и даже если каким-то чудом проникнешь внутрь, выбраться из самой крепости будет уже почти невозможно. Так что, если любопытно — можешь попробовать.

Объяснения Белфри продолжались без конца: от особого состава дорожного покрытия, где в известь подмешивали вулканический пепел для прочности, до толщины крепостных стен.

Выслушав это, наследный принц усмехнулся:

— Если Линдберг когда-нибудь нападёт на Хенекен, первым, кто расстанется с жизнью, будешь ты, верный слуга.

Но Белфри не замолчал, а, заткнув одно ухо, продолжил рассказывать даже о традиции снижать высоту стен на один ярус после смерти каждого императора.

— Это символ того, что сила императорского дома Хенекена не зависит от каких-то там кирпичей.

От такой дерзости у наследного принца даже слов не нашлось. В конце концов он лишь заметил, что для того, чтобы стена уменьшилась до его роста, потребуется несколько сотен лет.

То есть Линдберг не сможет преодолеть эти ворота и через века.

Лошади выстроились в ряд, мягко касаясь копытами земли.

Звук трения был ровным и приятным на слух.

Люди смотрели на процессию с любопытством и благоговением, но не бросались вперёд и не создавали суматохи. Это были люди, хорошо знающие, что такое порядок и сдержанность.

Кто-то скандировал имя наследного принца, и тот отвечал жестом. Дети бросали цветы.

Было легко понять, насколько они любят свою страну и своего правителя.

Если бы подобное шествие устроили члены королевской семьи Линдберг, всё закончилось бы тем, что на немощёной дороге сломались бы колёса экипажа, а пока его чинили, люди, оглядевшись, украли бы привязанных лошадей и сбежали.

Разумеется, их бы настигли стражники — и убили.

Слишком сильный голод ослепляет.

Я всё вздыхал и вздыхал, и щека моя коснулась спины наследного принца.

— Я понимаю, почему у вас такое выражение лица, но сейчас улыбнитесь немного людям Хенекена. Они многого от вас ждут.

И правда — люди смотрели с надеждой.

Интересно, каким я отражаюсь в этих сияющих детских глазах?

Я неловко улыбнулся и помахал рукой. Дети захихикали и попрятались за взрослых.

Мило.

Тяжесть в груди стала немного легче.

От щеки, прижатой к спине наследного принца, по сердцу разлилось тепло.

Только тогда я позволил себе оглянуться по сторонам спокойнее.

Среди множества людей особенно бросались в глаза несколько сцен.

Двое, нежно держась за руки и целуясь под столом.

Супруги, державшие младенца и махавшие его крошечной ручкой.

Люди одного пола, обнимающиеся на улице и принимающие поздравления по случаю какого-то радостного события.

Честно говоря, я был поражён, но вида не подал.

Говорят, чтобы страна развивалась, прежде всего нужно избавиться от предрассудков.

Я вспомнил, как бывший коллега жаловался: «С заскорузлой головой какое развитие?» — и тогда я с ним сильно соглашался.

Да. Истинная свобода начинается с отказа от предубеждений.

Если подумать, Линдберг и правда — отсталое место. Ещё какое.

— Во всех смыслах сказочная страна... — пробормотал я.

Наследный принц покосился на меня, и я широко улыбнулся. Он улыбнулся в ответ, а затем до самого прибытия больше не оборачивался.

Чем ближе мы подлетали к дворцу, тем сильнее ощущался его запах. Спина подо мной словно согревалась.

Наверное, он устал — с самого утра в дороге.

Я оглянулся назад: Марко был бледен как полотно, а Элизабет, высунув язык, тяжело дышала.

Для них это путешествие явно стало стрессом. Всё-таки мы прибыли сюда почти как заложники, на фоне судьбы целого государства. Пусть нас и не встретят как почётных гостей, но я надеялся, что Леи и Марко дадут хотя бы место для отдыха.

— ...И вот поэтому покойный император приказал построить на востоке отдельный винный погреб и вмуровать туда несколько десятков магических кристаллов. Там можно не только регулировать температуру и влажность, но и активировать защитную магию — в случае чего это может служить бомбоубежищем...

Белфри Хендрик, ты ещё не закончил?!

Мышца у виска наследного принца заметно дёрнулась. Он явно стиснул зубы.

Лекция Белфри, достойная заядлого фаната архитектуры, под названием «Архитектура и развитие императорского дворца Хенекена» продолжалась до тех пор, пока не опустился подъёмный мост.

Зато теперь мне казалось, что я знаю устройство дворца вдоль и поперёк.

И вдруг нашёлся человек, который заткнул Белфри раньше наследного принца. Это была принцесса Лея.

— Виконт Хендрик, моя служанка не говорит. Глядя на ваши безостановочно движущиеся губы, она уже готова умереть от зависти.

Её взгляд, когда она мягко гладила служанку по спине, был настолько искренне сочувствующим, что даже Белфри смутился и замолчал.

Внешность и характер у него явно не совпадали: белая кожа, загадочные красивые глаза, аккуратная переносица — казался холодным аристократом, а болтал без умолку.

Стоило нам пройти через ворота, как строй солдат грянул громким приветственным кличем.

Они поднимали обоюдоострые мечи вверх, а когда наследный принц проходил, по очереди опускали их с чётким лязгом. Это напомнило мне почётный караул времён моей службы в армии.

Тогда я тоже выглядел неплохо... хотя внутри всё кипело — я оставил младшую сестру одну и ушёл служить почти внезапно.

Мысли лезли одна за другой.

Хватит. Теперь ты — Карл Линдберг.

Рыцари сопровождали нас до главных ворот и синхронно исчезли.

Белфри, жаловавшийся на гору документов, тут же передал коня пажу и умчался внутрь.

— У меня уже шея затекла вас ждать, Ваше Высочество, — сказал пожилой мужчина, выходя нам навстречу.

Он был воплощением благородного «романтического седого»: морщины у глаз, волосы,

аккуратно зачёсанные воском, идеально сидящая одежда и лёгкий плащ.

— Я ни на мгновение не прекращал путь, думая о вас, граф Бурбон, — ответил наследный принц.

Бурбон?

Я округлил глаза, и граф Бурбон, поклонившись, сказал:

— Так это и есть тот самый человек из слухов.

После полугода, проведённого среди стариков, хвастающихся наложницами, увидеть по-настоящему достойного взрослого было неожиданно — и я машинально тоже поклонился.

Опомнился я уже после, но было поздно, пришлось выкручиваться улыбкой.

Наследный принц и Лея выглядели поражёнными, а граф Бурбон вдруг расхохотался:

— Совсем не такой, как о вас говорят!

Карл, Хенекен, Хендрик... теперь ещё и Бурбон?

Интересно, сколько ещё сортов алкоголя всплывёт дальше.

— Вы проделали долгий путь и, должно быть, устали. Внешний двор уже подготовлен — не желаете ли сначала отдохнуть?

Улыбка графа была тёплой и искренней. Услышав столь желанные слова, я снова низко поклонился.

Смех графа стал громче, Лея скорчила гримасу, а Марко крепко зажмурился.

Щёки Карла Линдберга запылали.

Адриан Хенекен действительно не мог понять, кто перед ним.

После того как граф Бурбон велел слугам увести принцессу Лею и слуг Карла, Адриан протянул принцу руку:

— Не желаете поговорить наедине?

Карл кивнул. Его щёки всё ещё были красными.

Персиковый румянец выглядел так трогательно, что хотелось прикоснуться губами.

Чтобы подавить это странное желание, Адриан первым зашагал вперёд.

Карл Линдберг спешил за ним, не переставая разглядывать всё вокруг.

Он был похож на утёнка, только что вылупившегося из яйца.

Утёнок, конечно, милый, но красивым его не назовёшь.

Скорее уж — мягкий котёнок, пахнущий молоком?

От этой внезапно возникшей, щекочущей мысли наследный принц вздрогнул, на миг положил руку себе на грудь, а затем опустил её.

Принц тем временем вертел головой по сторонам и раз за разом издавал странные возгласы:

— О... о... о-о...

Служанки, проходя мимо, с умилением поглядывали на него и улыбались.

— Хенекен и правда очень живой город, — сказал Карл, заметив, что Адриан смотрит на него.

Смущение он скрыть не сумел.

Так старательно всё разглядывал — и всё, что смог выдать в качестве впечатления, это «живой».

Едва ли не смешно.

И всё же, хотя ситуация была совсем не для смеха, этот принц раз за разом умудрялся заставлять его улыбаться.

<http://bllate.org/book/13881/1265794>